

УДК 316.1

ВАЛЕНТИНА ПОДШИВАЛКИНА,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социальной и при-
кладной психологии Одесского национально-
го университета имени И.И.Мечникова*

МАРИНА БИРЮКОВА,

*кандидат социологических наук, доцент
Национального технического университе-
та “Харьковский политехнический универси-
тет”*

В поисках метаоснований современной социологии, или О праксиологическом потенциале украинской социологии

Аннотация

В статье праксиология рассматривается в качестве современного философского основания социологии. Обосновывается идея, что императивом праксиологии является деятельность как универсальный способ модернизации социальных систем и как способ познания. Показан праксиологический потенциал отечественных социологических концепций и теорий. В заключение авторы делают вывод о том, что основной императив праксиологии состоит в осознании практики как базисного компонента теоретизирования, в котором деятельность становится одновременно объектом и способом познания.

Ключевые слова: *праксиология, теория, философские основания, практика*

Стремительное развитие современного общества и поиск стратегий его модернизации подталкивают социологию к обсуждению и решению проблемы формирования и концептуализации более чувствительных и соответствующих “духу времени” методов познания социальной реальности. Как бы мы ни называли современное общество, — информационным, постиндустриальным, постмодерническим, глобальным, обществом знаний, —

практически все, кто его исследует, соглашаются с тем, что особое место и подчас решающую роль в нем занимают социальные субъекты, которые совершают открытия, участвуют в общественных движениях, выбирают, покупают, изучают, то есть действуют.

Современное состояние украинской социологии характеризуется, с одной стороны, расширением профессионального социологического сообщества благодаря 20-летней подготовке социологов в университетах страны, а с другой — профессиональной дифференциацией видов социологической деятельности на аналитическую, прикладную, методическую, организационную, связанную с проектированием, консультированием, обучением, управлением и т.п. Можно говорить об институционализации как социологического знания, так и социологической практики и социологических услуг, а также о разграничении научных и практических методов и процедур и росте практического компонента в фундаментальных исследованиях.

Актуализируются и в теоретическом, и практическом плане многочисленные формы оценивания общественного мнения по социальным проблемам (рейтинги политических лидеров и партий, популярность политических акций и решений, настроения потенциального электората перед выборами и т.д.), определения новых групп и слоев населения (предпринимателей, бизнесменов, коммерсантов, биржевиков, банкиров и т.п.), многообразных видов самоорганизационных процессов, различных форм участия общественности в регулировании кризисных ситуаций и социальных конфликтов и т.п.

Социология, по мнению О.Сусской, “вплотную приблизилась к признанию потребностей самого общества, его отдельных социальных групп и сообществ, деятельность которых происходит в определенных областях социального бытия. Профессиональный багаж социологов отнюдь не страдает от дефицита информации, скорее — от дефицита системы” [Сусская, 2011: с. 47]. Кроме отсутствия системности в познании современности постсоветская социология изобилует еще и рядом других проблем, среди которых В.Вахштайн указывает на такие, как проблематизация аксиом; эмансипация теории; отмена эмбарго на теоретический импорт; усиление поколенческой риторики; проблематизация научного сообщества [Вахштайн, 2011: с. 75]. Безусловно, с этим списком можно спорить и дополнять его, однако четко прослеживается проблема специфики социологического способа познания, некоторое несоответствие опросных социологических методов предмету; обостряется тенденция появления практически бесконечного множества новых отраслевых социологий и укрепления полипарадигмальности. Актуальность проблемы познавательных возможностей социологии обостряется перманентными трансформациями социальной реальности.

Отставание познавательных возможностей социологии по сравнению с ускоряющимися темпами трансформации общества побуждает социологов всего мира вести дискуссию об основаниях самого социологического теоретизирования [Степин, 2000].

Так, на открытии III Всероссийского Социологического конгресса Мишель Вевёрка поставил перед научным сообществом вопрос о назначении социологии: “... какую пользу приносит и какими проблемами задается современная социология, ... что находит, что она открывает, чем социолог может быть полезным обществу” [Вевёрка, s.a.].

Продолжая эту дискуссию, Майкл Буравой выступил на XVII Всемирном конгрессе Международной социологической ассоциации с докладом под многозначным названием “Sociology on the Move” (“Социология в движении”). Он утверждал, что социология должна выйти за пределы академического поля и обратиться к гражданскому обществу, к социальным проблемам, с которыми сталкиваются люди в каждой стране и во всем мире (см.: [Здравомыслова, Иванова, s.a.]).

Доклад Маргарет Арчер на этом конгрессе носил выразительное название “Текущий кризис: молчание социологов”; в нем обращалось внимание на изменения в модели современной личности, которую она назвала “Homo inconstantus of late-modernity”, то есть “Человек непостоянный, позднего модерна”, и отсутствие действенных методологий, методов и технологий изучения такой личности. В свою очередь, Петер Штомпка призывал социологов вернуться к трем классическим вопросам, которые должны стоять перед каждым исследователем: понимать, предусматривать, предотвращать, то есть действовать (цит. по: [Здравомыслова, Иванова, s.a.]).

В современной социологии, по мнению М.Вевёрки, существует две традиции “хороших социологов”:

- французская, согласно которой социолог играет роль интеллектуала, интересующегося общественной жизнью, участвующего в политике, публикующего статьи, выступающего на телевидении и радио и т.п.;
- американская, согласно которой социолог — это специалист, деятельность которого оценивается исключительно его коллегами; он не выступает по телевидению и по радио, не участвует в политике, не включен в активную общественную жизнь.

Последние годы все чаще звучат голоса, настаивающие на более активном вмешательстве социологии с ее наработками в практику существования и функционирования общества. Так, по мнению М.Буравого, “социолог должен участвовать в общественной жизни, должен заявлять о своих интересах в том, чтобы эта жизнь была каким-то образом изменена”. М.Вевёрка предлагает более активно продвигать экспертизу как форму привлечения социолога к решению проблем общества.

Председатель Социологической ассоциации Украины В.Бакиров акцентирует внимание на важности социологической информации, утверждая, что “в цивилизованных обществах социологическая информация — обязательный компонент социального планирования, прогнозирования и управления” [Бакиров, s.a.].

Наряду с вопросами предназначения современной социологии и кризисности ее познавательных возможностей в украинском научном дискурсе присутствует полемика (прежде всего на страницах журнала “Социология: методология, методы, маркетинг”) о философских основаниях современного социологического знания: онтологии, гносеологии, эпистемологии (В.Тарасенко, И.Майструк, Т.Теличко).

Проблематика современного социологического теоретизирования, необходимость его формализации и оптимизации, проблема создания новых отраслевых направлений социологии обсуждались в статьях Н.Костенко, С.Макеева, П.Кутуева, И.Литвиненко и В.Погребной.

Место, потенциал и возможности современной социологии Украины, надежность ее подходов и теоретизирования представлены в публикациях

Е.Головаха, А.Горбачика, В.Вахштайна, Т.Любивой, Н.Паниной, А.Рыбщун, В.Середы, В.Степаненко, О.Сусской, К.Урсулленко.

Особое место в отечественном социологическом дискурсе занимают вопросы онтологии реальности, концепты общества, роли субъекта и объекта и перспективы общественного развития (Л.Бевзенко, О.Сусская, Н.Отрешко, В.Погосян), социальных практик (Н.Ковалиско).

Таким образом, актуальность проблемы философских оснований современной социологии обусловлена, на наш взгляд, несколькими факторами.

Во-первых, речь идет о динамике и глубине изменений, или, как принято говорить, социальных трансформаций, затронувших суть абсолютно всех социальных явлений и процессов. Отличительной чертой онтологии современного мира является активное освоение нового этапа развития, в котором доминируют многовариантность, высокая степень неопределенности, динамизм и непрерывность протекания процессов, расширение масштабов социальной практики, а также жесткие ресурсные ограничения в выборе возможных проектов достижения качественного будущего.

Во-вторых, сказывается кризис современной социологической теории, которая сфокусирована в основном на объяснении сложных социальных явлений и процессов с общих гносеологических позиций.

В-третьих, следует отметить принципиальное изменение природы и потенциала социального субъекта, способного рационально мыслить, принимать взвешенные решения и делать осознанный выбор.

В целом остается актуальным вопрос: может ли социология, используя классические и неклассические методологические подходы, предоставить необходимые для общества знания? И с другой стороны, каковы познавательные возможности социологического теоретизирования, основанного на иных, постмодернистских подходах?

Так, Е.Головаха, А.Горбачик, Т.Любивая, Н.Панина, В.Середа, К.Урсулленко указывают, что “социологи давно разделились на два оппозиционных лагеря. Одни поклоняются дискурсу и нарративу, надеясь в собственном воображении и свободном полете мысли других людей отыскать “волшебный ключик” к пониманию социальной реальности. Другие одержимы квантофренией и пылким желанием поверить алгеброй гармонию общественного устройства. И у тех, и у других вполне достаточно аргументов для обоснования несостоятельности оппонентов” [Головаха, Горбачик и др., 2008: с. 167].

Наряду с этим все чаще звучат призывы, с одной стороны, к более глубокому проникновению социологических знаний в практическую деятельность, с другой — к тому, что поле теоретизирования в социологии должны определять реально существующие социальные практики.

Но если задачу проникновения теории в практику может решать в какой-то мере прикладная социология, то вопрос о роли практики в развитии теоретического знания в социологии остается открытым, поскольку, на наш взгляд, не определены философские основания для такой инверсии.

Прежде всего отметим, что на страницах журнала несколько последних лет активно обсуждались проблемы *онтологии* современной социальности. Так, Н.Отрешко, исследуя природу социального, утверждает, что “место образа общества как социальной системы в работах теоретиков нового направления — конструктивизма — занимает образ социальной реальности” [Отрешко, 2009: с. 134]. В то же время Н.Ковалиско, разъясняя, что “онтоло-

гия — это последовательные и систематические размышления над тем, что представляет собой социальное, из чего именно (из каких элементов) состоит мир людей”, фокусирует свое внимание на подходе Т.Шацки, который “формулирует онтологию мест (siteontology), в которой каждое место является не чем иным, как практикой, а общество — сетью мест. Практики (религиозные, политические, экономические, приготовления пищи и т.п.) представляют собой сложные образования, в которых различают комплекс пониманий, адекватных действиям, коллекцию правил и “телеоаффективную структуру”, то есть нормативную, иерархически упорядоченную систему целей, проектов, задач, эмоциональных состояний” [Ковалиско, 2010: с. 51].

Как известно, для создателей социологии реальность представляла собой отстраненный объект познания. Представители неклассической социологии XX века сделали акцент на феноменологии общества, и реальностью для них начинает выступать субъективное знание о нем. Сегодня, когда возросла роль самоорганизационных процессов в обществе, наблюдается рост интереса к самопознанию, проектированию, конструированию и организации реальности активно действующим субъектом. “Если внимательно проанализировать все характеристики онтологического поворота в социологии, то мы увидим не что иное, как актуализацию экзистенциальной парадигмы, которую многие исследователи уже считали достоянием застывшего философского прошлого” [Мельников, 2011: с. 161]. Разделяет идею онтологического поворота и Н.Отрешко, утверждая, что “в современных теориях конструктивизма, в частности теории практической рациональности П.Бурдьё и теории структуризации Э.Гидденса, авторы делают попытку преодолеть дилемму субъективизма/объективизма, вводя концепцию социальной практики как места встречи субъекта действия с социальными структурами в рамках повседневности” [Отрешко, 2009: с. 128].

Кроме того, в журнале нашла отражение полемика об особенностях *гносеологических и эпистемологических оснований* познания социальной реальности.

Так, В.Тарасенко и И.Майструк настаивают на особом статусе гносеологии, потенциал которой не до конца исчерпан для социологии. “*Во-первых*, если какой-нибудь науке и нужна “старая гносеология”, то это социология. ...*Во-вторых*, новая ситуация в области эпистемологии, возникшая в последние годы, может не оставить социологии надежд иметь свою теорию познания, поскольку эпистемология обнаруживает “заглатывающую” тенденцию, готовясь захватить в свое лоно и социологию. ...*В-третьих*, ждать надежной методологической помощи, руководящих на этот счет гносеологических “указаний” от современной украинской философии, переживающей перманентный процесс трансформации своего основного вопроса, социологии не приходится. ...*В-четвертых*, гносеологическая природа социологии настолько сложна и специфична, что общие эпистемологические принципы и закономерности реализуются через систему ее исследовательско-познавательных практик особым образом. Это требует от нее пристального внимания к данным процессам и механизмам. ...*В-пятых*, латентная природа социального объекта вносит в процесс его социологического познания такие возмущения, сложности и трудности, справиться с которыми может только сама социология, опираясь, разумеется, на гносеологию и социальную философию. ...Наконец, *в-шестых*, утвердившаяся в новейшей

социологии традиция конструирования и маркирования, когда некий объект социальной реальности либо искусственно создается за рабочим столом, либо только обозначается, ставит вопрос о гносеологической природе и значении конструкторов и маркеров (кодов, символов и т.д.)” [Тарасенко, Майструк, 2008: с. 163–167].

Однако с необходимостью поиска новых оснований познания социальной реальности соглашается В.Тарасенко, утверждая, что “сегодня, когда предметы социальных наук очень тесно переплетены между собой, социология в попытках построения новых объяснительных моделей расширяет возможности своего видения реальности через предметы и выводы этих наук, например, за счет социальной философии, психологии, эпистемологии, синергетики, антропологии и др.” [Тарасенко, 2009: с. 8].

Попытку эффективного и адекватного познания сложной социальной реальности пытается решить и эпистемология как специальная теория познания, фокусирующая свое внимание на феноменологичности социальной реальности и особой роли субъекта познания. По мнению Л.Бевзенко, “в рамках *классической эпистемологии*, заданной представлением о существовании объективной истины, сопоставление разных позиций ведется сквозь призму *критики*, направленной на выяснение, “кто прав, кто ближе к истине”” [Бевзенко, 2011: с. 18].

Но практически вне дискуссии остается еще одно основание социологического теоретизирования — *праксиологическое*.

Как известно, основоположником праксиологии является известный польский философ Т.Котарбинский. Он писал: “Действовать и притом действовать обдуманно — это значит изменять действительность более-менее сознательным образом, это значит стремиться к определенной цели в данных условиях с помощью соответствующих средств, с тем чтобы от существующих условий прийти к условиям, которые отвечают поставленной цели; это значит включать в действительность факторы, в результате которых происходит переход от системы, которая имеет выразительные начальные условия, к системе определенных конечных условий” [Котарбинский, 1975: с. 31].

Слово “праксиология” (от греч. *praxis* — действие, практика) означает “знание о действиях”, познание практики в ее философском контексте. Основное содержание праксиологии состоит в отображении реальности как множества конкретных явлений через их проявления в практике и аспекты отображения реальности, используемые для познания, понимания сути и практического применения как средств и ресурсов деятельности, так и далеких от практики научных проблем.

Резонно возникает вопрос о новизне праксиологического подхода в социологии, его отношении к прикладной социологии. На наш взгляд, прикладная социология отражает праксиологические устремления в двух аспектах: приложении социологии к различным социальным сферам и их социальным практикам и расширении на этой основе сфер социологического теоретизирования, но при этом, с нашей точки зрения, она не обращена к анализу и развитию собственной социологической практики (то есть особой социальной сферы социологических услуг) и ее теоретическому обоснованию.

Мы исходим из того, что основное отличие социологической практики от прикладной социологии состоит в целевых установках. Цели деятельности социолога, практикующего в любой социальной сфере, диктуются ценностя-

ми и задачами этой сферы; непосредственно практическое воздействие на объект (будь то личность, семья или коллектив) оказывает не социолог, а соответствующий специалист, и ответственность за результаты несет этот другой. Социолог оказывается дистанцированным от реальной практики, и это ведет к его отчуждению от своего профессионального мышления.

С появлением самостоятельных социологических служб, собственно социологической практики принципиально меняется социальная позиция социолога. Он сам формирует цели и ценности своей профессиональной деятельности, сам осуществляет необходимые воздействия, сам несет ответственность за результаты своей работы. Практические действия социолога позволяют ему не только познать социальную реальность, но и преобразовывать ее.

Не одно поколение социологов выросло на классическом представлении о принципиально односторонней связи теории социологии и социологической практики через процесс внедрения приложений социологических знаний. Что касается праксиологического подхода, то, с одной стороны, он предполагает стратегию, для которой теория выступает основанием преобразований социальной реальности, а с другой — праксиология как специальная теория организации рассматривает саму деятельность (в том числе и умственную), способы ее организации и проектирования с точки зрения их практических свойств и эффективности. Эффективность деятельности означает ее результативность, производительность, или плодотворность (то есть достижение поставленной цели), “правильность” (точность, адекватность, то есть максимальное соответствие образцу, который задан, норме), “чистоту” (то есть следует максимально избегать непредвиденных последствий и ненужных дополнительных включений), “надежность” (приемы деятельности тем надежнее, чем больше объективная возможность достижения этими приемами намеченного результата) и, наконец, последовательность. Фактически основной критерий практической “успешности” действия — его целесообразность, способность сохранять динамическое равновесие и гармоничность...

Праксиологический подход уже закрепился в таких науках, как экономика (Л.Мизес), психология (Ф.Василюк) и др. И если практическое проявление результатов теоретических разработок и изысканий в этих науках относительно понятно, то для социологии, чье предназначение, согласно классической парадигме, состояло в понимании и объяснении природы социальных фактов, выявлении социальных закономерностей и в прогнозировании, пока праксиологический подход не стал предметом внутридисциплинарной рефлексии. Однако, на наш взгляд, в социологии получили развитие идеи, которые можно назвать *протопраксиологическими*. Среди них особое место занимают:

- *эксплицитная социология*, то есть ясно осознающая и выражающая себя в качестве особой отрасли научно-практической деятельности [Погребная, 2010: с. 164];
- *активистско-деятельностный* (деятельностно-активистский) подход, включающий “проект культуральной социологии” Дж.Александера, “двойной морфогенез” М.Арчер, “конструктивистский структурализм” П.Бурдьё, “теории структуриации” Э.Гидденса, “модель акти-

вистской социологии” А.Турена, “теории становления общества” П.Штомпки, “теория фигураций” Н.Элиаса и др.;

- *экзистенциальная социология*, среди приверженцев которой П.Штомпка, Э.Тириакийн, представители калифорнийской школы (Дуглас, Джонсон, Котарба и др.), бельгийский социолог М.Болль де Баль и др. [Мельников, 2011: с. 161–162];
- *теория практик*, разрабатываемая Г.Шубертом, Ч.Кули, Дж.Мидом, а также представленная в работах М.Хайдеггера, Л.Витгенштейна, М.Мосса, Н.Элиаса, Г.Райла, М.Поланьи, М.Фуко, Ж.Делеза, М. де Серто, Д.Скота, П.Бурдьё, А.Макинтайра, Л.Болтански, Л.Тевено, Б.Латура [Ковалиско, 2010];
- *праксиологические следствия других социологических концепций и теорий*, в том числе отечественных.

Так, экзистенциальная социология подчеркивает важность личности (отнесенный/воссоединенный человек, а не изолированный человек капиталистических и социалистических обществ) и актора (активный, вовлеченный человек) [Мельников, 2012: с. 168]. Экзистенциальной социологии соответствуют следующие принципы: принцип динамики первичных групп, принцип понимающей социологии, акцент на качественных методах и диалектический и диалогический принципы.

Возникновение активистско-деятельностной методологии, по мнению В.Ядова, связано и со сложностью современных социальных процессов, и с невозможностью рефлексивной (гносеологической) методологии социологии в реализации адекватного познавательного потенциала [Ядов, s.a.].

В.Ядов отмечает, что основной принцип, развиваемый в рамках деятельностно-активистского типа методологической ориентации, восходит к формуле К.Маркса “о том, что люди, рождаясь при одних условиях, своей практической деятельностью их изменяют, изменяясь сами”. Положения активистской социологии в России развивают Т.Заславская, С.Кравченко, С.Лапина, В.Ядов и др. Сторонники указанного подхода в своих работах основное внимание сосредоточивают на активности субъектов деятельности, способных изменять социальные структуры. В Украине интерес к проблемам деятельностно-активистской методологии реализуется в работах Л.Бевзенко, Н.Лукашевича, В.Подшивалкиной, В.Судакова, Е.Суименко, Н.Туленкова.

Свой подход к анализу современных методологических платформ социологии обосновывает С.Лапина, которая, отслеживая стратегию развития от классической к неклассической и постнеклассической социологии, утверждает, что появление новых методологий в социологии связано с актуализацией “человекоразмерных объектов”. Особый акцент в работах С.Лапиной делается на взаимодействии и соотносённости субъекта и объекта познавательного процесса, что всегда было краеугольным камнем развития социологии как науки. Вводя в научный дискурс понятие “человекоразмерных объектов”, С.Лапина придает им особую субъектность и включенность в процесс познания в качестве активно действующего элемента. “При этом следует обратить внимание на то, что в любой познавательной ситуации субъектность присутствует не как изолированная индивидуальная сущность, а как особое межсубъектное взаимодействие (между субъектом по-

знающим и субъектом, включенным в объект познания), которое опосредовано сложной системой социальных связей” [Лапина, s.a.].

Анализ авторских формулировок новизны и практической значимости 36 докторских диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук (по каталогу авторефератов Научной библиотеки им. В.И.Вернадского), защищенных с 1999 по 2010 год в Украине, позволил выявить существенный праксиологический потенциал украинского социологического теоретизирования. Так, на наш взгляд, с праксиологических позиций разработаны: алгоритм создания социальных технологий (Н.Саппа, 1999), технологии связей организации с потребителями, общественностью, государственными и местными органами власти и управления (Л.Хижняк, 1999), социальные технологии в управлении образованием (О.Скидин, 2001), социологические методы криминологической экспертизы (И.Рущенко, 2001), методики базовых и рейтинговых электоральных исследований (А.Вишняк, 2001), метод имитационного моделирования деятельностно-поведенческих аспектов предпринимательства (Ю.Пачковский, 2004), стратегии государственного регулирования процесса классообразования (О.Кущенко, 2001), профессиографический анализ управленческой деятельности (В.Бурева, 2003), основы политики поддержки различных форм символической деятельности (В.Бурлачук, 2005), методы модификации управленческих решений на разных уровнях государственного управления и гражданского самоуправления (Н.Соболева, 2005), инновационные технологии досуга (Н.Цымбалюк, 2005), направления совершенствования государственной образовательной политики (Л.Сокурская, 2007), модель инклюзивного образования молодежи с ФОС, модель виталистской социальной политики (Е.Дикова-Фаворская, 2009), критерии социальной нормативности трудового поведения (Д.Ядранский, 2010), методика эмпирической оценки социальной стратификации (Н.Ковалиско, 2010), трехуровневая модель оценки эффективности организационного взаимодействия в социальном управлении (Н.Туленков, 2010).

Эти концепции и особенно их практические разработки являются, на наш взгляд, свидетельством становления праксиологии как философского метаоснования современного социологического знания¹. Императивом праксиологии является осознание деятельности как универсального способа модернизации социальных систем и одновременно метода познания.

Праксиологические основания познания базируются на представлении о том, что необходимо не только *исследовать* (в гносеологическом и эпистемологическом контексте), но и *изменять* социальную реальность (в онтологическом и праксиологическом контексте).

На наш взгляд, основания социологической исследовательской и практической деятельности обеспечивают реализацию этих деятельностей на индивидуальном (микро), социетальном (макро) и мезоуровне (регион, организация, кластеры и другие социальные агрегации). В рамках праксиологии в качестве социального объекта выступает” Homo practicing in late-modernity”, то есть человек, который практикует в эпоху позднего модерна,

¹ Необходимо отметить тот факт, что показателем неокончательной разработанности теории праксиологии является неоднозначность написания данной дефиниции (“праксеология” и “праксиология”) подходы.

действует рационально или спонтанно: избирает, покупает, самоорганизуется, потребляет, проектирует, организует и т. д. в пространстве неопределенности, нелинейности, повышенного риска, ограничения ресурсов, неоднозначности технологий достижения цели.

Цель деятельности социолога с позиций праксиологии — не только в организации процесса взаимодействия, но и в создании многообразных проектов процесса взаимодействия, способствующих формированию различных подходов к анализу этого процесса, прогнозированию ответных реакций, изучению участников социального процесса и возможности позитивного воздействия на них.

Главным предметом деятельности социолога с праксиологических позиций, по нашему мнению, может служить содержание влияния на социальные процессы в обществе, а основным инструментом освоения социальной реальности с позиции праксиологии может выступать знание культурных интенций общества, его символов, его характерных реакций на ту или иную историческую ситуацию, знание его историософии, его социальных предпочтений, складывающихся в перспективу его собственного культурного существования. Инициирование деятельности в таком обществе возможно лишь в направлении его внутренних влечений, на основании изучения и формирования его перспективы как некоторой целостной области культурного пространства: религии, идеологии, мифологии, риторики политиков, аналитических обзоров в масс-медиа, тематической направленности стратегических исследований, содержания институциональных и корпоративных планов и программ в области стратегического планирования.

В целом социология, исходящая из праксиологических позиций, определяется особыми ценностями, имеет специфическое предназначение, свое представление об истине, особые принципы, типы взаимодействия с объектом и заказчиком исследования, обладает своей логикой теоретизирования и иными практиками организации деятельности.

Так, праксиология как общая теория организации, включающая в себя реальную практику как базовый и определяющий компонент, обязывает социолога сознательно определить свою ценностную позицию в контексте всех основных ценностей и приоритетов — равновесия, гармонии, успеха, эффективности, пользы и пр. Таким образом, ценностная установка становится имманентным началом теории, что и выступает необходимым условием получения социотехнологического знания о самовоспроизводимой реальности.

Социологические знания, полученные на праксиологических основаниях, предназначены для социолога-практика, социолога-технолога. Поэтому создаваемая для него теория должна быть релевантна опыту. Социолог-практик — не просто внешний контролер адекватности, истинности и эффективности, он — неотъемлемый участник познавательной и внедренческой деятельности.

Современное представление об истине имеет, безусловно, праксиологическую природу. Праксиология воспринимает истину как динамическое образование. Истина приобретает характеристики конкретности и контекстуальности. Другими словами, истина зависит от среды существования объекта и предмета познания, от связей, взаимодействий и степени налаженности

сетей внутри среды. Истина возникает в процессе практики и воспроизводится ею, объект познания задается через практику.

Таким образом, в истине фиксируются три аспекта: объективный, ценностный и праксиологический. Праксиологический аспект истины демонстрирует включенность в истину момента ее связи с практикой. Сам по себе этот момент как ценность, или полезность истины для практики входит в ценностный ее аспект, однако его можно выделить в качестве относительно самостоятельного.

Кроме того, опираясь на праксиологические принципы, социолог является не единственным познающим; его клиенты выступают как вполне равнозначные и незаменимые партнеры, поэтому творческий момент продвижения к истине здесь предполагает образование диалогического “совокупного субъекта” познания.

С праксиологических позиций отношения между субъектами и объектами деятельности представляют собой социальные практики, обладающие динамичной структурой. В силу этого такая социальная практика может быть описана как ролевой ансамбль. Причем следует констатировать существование баланса ролевых функций, включая как стабилизирующие (охранительные), так и развивающие (разрушающие). Последние создают избыточность вариантов выполнения задач, постоянно проверяют деятельность (практику) на эффективность и жизнеспособность.

Согласно праксиологии, как правило, поощряется интенсивный, уникальный и эмоциональный контакт между субъектом и объектом в их партнерских взаимодействиях. Контакты перерастают из субъектно-объектных в субъектно-субъектные, что и определяет специфику существования и функционирования человекообразных объектов. Так, если в естественно-научной познавательной ситуации контакт связывает субъекта и объект узким “каналом”, то в праксиологии — скорее объединяет их, образуя общее “поле”, в которое включены участники.

В целом классическая модель познания в социологии предполагала гносеологическую установку: социолог — это субъект, который дистанцирован от объекта, а неклассическая социология — эпистемологическую установку: социолог, исследуя объект, подчиняется либо своим субъективным мотивам выбора инструмента познания, либо природе объекта, то в постнеклассической модели познания социолог-практик использует праксиологическую установку, предполагающую неоднозначность в применении теорий для познания объекта, обуславливает множество методик и технологий, используемых субъектом, а также наличие разброса в технологиях возможных реализаций познаваемого объекта, в который органично встроен активный, действующий, наделенный сознанием и целеполагающий субъект.

Методологическая база праксиологии дает возможность социологам внедрять определенные виды деятельности.

1. Практикоориентированные социологические исследования, которые отличаются от фундаментальных и эмпирических исследований своей прикладной направленностью, прагматичной ориентацией. По преимуществу это диагностические, проектные, оценочные, инновационные исследования. В пределах таких исследований особое внимание уделяется поиску и реализации социальных резервов произ-

- водства, их социальной диагностике и технологиям внедрения. За все этапы данной деятельности несет ответственность социолог.
2. Социопроектно-конструкторская деятельность, основное назначение которой — разработка и создание качественно новых или целенаправленное изменение уже существующих социальных объектов и систем. В рамках данного направления внимание в основном уделяется социальному проектированию, прогнозированию, разработке социальных технологий.
 3. Социоорганизационно-технологическая деятельность, охватывающая процесс реализации социальных проектов и технологий.
 4. Консультативно-управленческая деятельность, которая включает в первую очередь управленческое консультирование как специализированный вид социологической деятельности.

Особо необходимо отметить тот факт, что ответственность за качество как исследования, так и этапа разработки и этапа внедрения несет социолог, и это касается таких новых направлений и видов социологической деятельности, как:

- личностное проектирование (создание жизненной стратегии, профориентация, сопровождение личностных кризисов и перепрограммирование, социализация, социальная реабилитация, социальная адаптация, в том числе безработных, лиц, отбывающих наказание в специализированных учреждениях, инвалидов, детей-сирот);
- рекрутмент — подбор персонала, организация рейтингового анализа профессионального уровня специалистов в различных организациях, проведение кампаний целевого отбора безработных для службы занятости, проектирование карьеры и продвижение специалистов различных профессий;
- организационное проектирование (создание и трансформация организаций — институциональных и корпоративных структур);
- консалтинг (экспертная аналитика, стратегическое планирование, оптимизация институциональных и корпоративных оргструктур в условиях реальной деятельности, инжиниринг корпоративного институционального управления, коррекция стандартной оргструктуры для обеспечения продвижения через нее специфических проектов и т.п.);
- социальная терапия межличностных и корпоративных отношений;
- открытое лоббирование законов и исполнительных решений, предполагающее организацию коммуникации и открытого продвижения того или иного проекта, формирование общественного мнения и системы мотиваций существующих групп влияния для последующей поддержки легализации лоббируемых законов или решений;
- проектный менеджмент — создание проектов под определенные социальные цели и задачи, открытое обсуждение и продвижение этих проектов в институтах массовой коммуникации (ИМК), запуск проекта в исполнение и текущее управление в рамках существующего проекта (различают корпоративный и институциональный менеджмент, стратегический и текущий менеджмент);
- имиджмейкинг — производство смысло-образов и смысло-лингвистическое конструирование целых имиджевых кампаний, работа с инсти-

тутами массовой коммуникации (ИМК) (проектирование кампаний для ИМК и продвижение через них заданных образов, разработка рекламных кампаний в контексте создания и продвижения определенного образа или стиля жизни, создание и продвижение новых стилей);

- производство и организация коммуникации — инженерия институтов массовой коммуникации (ИМК), включая компьютеризацию и интернетизацию, социологические исследования, сбор и обработку информации, производство новостной и аналитической публичной информации (журналистика) и др. [Бирюкова, 2001].

По нашему глубокому убеждению, складывающаяся социологическая практика ждет от теории не объяснения каких-то внешних для практики сущностей, а руководства к действию и средств научного понимания своих действий и нуждается в теориях, из которых можно не только что-то брать, но которым можно отдавать богатый живой материал. Некоторые принципиальные особенности социологической практики, в частности ее целостность, определенность во времени, многовариантность реализаций и множественность проявлений, а также ее социальная эффективность и социальные последствия от ее реализации диктуют новые требования к социологическим теориям.

Целостность социологической практики проявляется прежде всего в неавтономности ее отдельных видов, в их зависимости друг от друга, в уникальности и неповторимости каждого из них. Кроме того, для социологической практики характерны множественность субъектов деятельности и многовариантность условий реализации. Следует признать, что современная практика обуславливается как прошлым, когда современная реальность может рассматриваться как результат действий предыдущих поколений, а не только как проявление законов и закономерностей (Тарасенко В., 2009; Сорока Ю., 2009; Подшивалкина В., 2009), так и будущим — через мечты, замыслы, планы, проекты. При этом критерии оценки социальной эффективности социологической практики связаны с конкретной исторической социальной ситуацией и переосмысливаются на каждом этапе развития. Кроме того, важно подчеркнуть принципиальную неаддитивность эффектов от социологической практики, поскольку множество социальных действий в совокупности производят последствия, не являющиеся простой суммой эффектов каждого из них.

Свидетельствами динамичности развития отечественной социологии в последние десятилетия в праксиологическом направлении являются создание новых специальных и отраслевых социологических теорий, дискуссии о необходимости создания интегрирующей метатеории, о методологических подходах и практической составляющей социологического знания, рост интереса к социологическим разработкам и внедрению их в практику (политтехнологии, PR-технологии, управление персоналом и пр.). Отсюда, на наш взгляд, возникает необходимость проведения кардинальной ревизии методологической базы современной социологии. Актуальность внедрения праксиологического подхода в социологию обусловлена необходимостью совершенствования форм, структуры, методов организации деятельности разных социальных объектов в эпоху позднего модерна, где критерием “успешности” является целесообразность действия, сохранение динамического равновесия и гармонии.

Таким образом, точкой бифуркации активной полемики в украинском научном дискурсе становится вопрос о философских основаниях современного социологического теоретизирования, которые бы не только позволяли объяснять сложную реальность (гносеологический подход), но и помогали использовать и применять эти знания на практике (праксиологический подход). Основной императив праксиологии состоит в осознании практики в качестве базисного компонента теоретизирования, в котором деятельность становится одновременно объектом и способом познания.

Источники

Бакиров В. О настоящей социологии... [Электронный ресурс] / В. Бакиров. — Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/o-nastoyashchey-sociologii> (s.a.)

Бевзенко Л. Социальные интересы: объект и субъект исследования в контексте актуальной социокультурной ситуации / Л. Бевзенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 1. — С. 3–22.

Бирюкова М.В. Социальные технологии и проектирование: учеб. пособие / М.В. Бирюкова. — Х.: Нар.укр. акад., 2001. — 400 с.

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии / Василюк Ф.Е. — М.: МГППУ: Смысл, 2003. — 240 с.

Вахштайн В. Пост-постсоветская социология: конец первого акта / В. Вахштайн // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 59–77.

Вевёрка М. Чему служит социология? Почему социология является наукой? [Электронный ресурс] / М. Вевёрка // Выступление на открытии III Социологического конгресса. — Режим доступа: http://www.isras.ru/publications_bank/1225431449.pdf (s.a.)

Головаха Е. Субъективная надежность: теория и метод измерения (ИСН) / [Е. Головаха, А. Горбачик, Т. Любивая, Н. Панина, В. Серета, К. Урсуленико] // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С. 166–188.

Здравомыслова Е.А. XVII Всемирный конгресс международной социологической ассоциации: Впечатления участников [Электронный ресурс] / Е.А. Здравомыслова, Е.А. Иванова, В.И. Ильин. — Режим доступа: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2010_4/XVII%20Kongress_2010_4.pdf (s.a.)

Ковалиско Н. Теория практик, практики и исследование стратификационных порядков / Н. Ковалиско // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 2. — С. 49–63.

Котарбинський Т. Трактат про хорошу роботу / Котарбинський Т. — М.: Економіка, 1975. — 271 с.

Лапина С.В. Методологические особенности социологии в условиях формирования «общества знания» [Электронный ресурс] / В.С. Лапина // — Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Natural/vkhnu/Soc_dos/2010_889/Lapina.pdf (s.a.)

Мельников А. Экзистенциальный поворот в современной социологии / А. Мельников // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 160–176.

Отрешко Н. Картины социального мира: концепты общества и субъекта действия в социологической теории / Н. Отрешко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 1. — С. 127–137.

Отрешко Н. Суб'єкт, метод пізнання, картина соціального світу в класичній, некласичній, постнекласичній соціології / Н. Отрешко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2009. — № 4. — С. 43–54.

Погосян В. Инвариантность общественного развития: методологические импликации / В. Погосян // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 1. — С. 23–37.

Погребная В. Современное состояние и проблемы развития социологии как предпосылка создания ее новых отраслевых направлений / В. Погребная // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 163–174.

Подшивалкіна В.І. До проблеми розвитку соціоінженерного підходу в соціології / В.І. Подшивалкіна // Методологічні, теоретичні та практичні проблеми сучасного суспільства : зб. наук. праць ; вип. 15. — Харків, 2009. — С. 88–95.

Сорока Ю. Отношение к прошлому / Ю. Сорока // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 2. — С. 47–67.

Степин В.С. Теоретическое знание / Степин В.С. — М., 2000. — 744 с.

Сусская О. Социологическая наука между Сциллой и Харибдой современного меркантилизма и научного познания / О. Сусская // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 3. — С. 47–57.

Тарасенко В. Научный интеллект социологии / В. Тарасенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С. 33–49.

Тарасенко В. Ретроспективне пізнання в соціології: деякі гносеологічні та методологічні проблеми / В. Тарасенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2009. — № 4. — С. 5–17.

Тарасенко В. Социологическая эпистемология: проблемы и возможности / В. Тарасенко, И. Майструк // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 4. — С. 162–176.

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций [Электронный ресурс] : Курс лекций для системы постдипломного социологического образования. — Режим доступа : <http://worlddocuments.org/docs/index-1763.html> (s.a.)